

Полмесяца пролетело как один день.

В то утро Бай Цинюнь стоял на самом шпиле Башни Высшего Неба, возвышавшейся над сектой Тяньи, и откровенной скукой отбывал неизбежную повинность — руководил ежедневным утренним правилом.

Будучи крупнейшей обителью бессмертных во всём Поднебесье, секта Тяньи уделяла закладыванию основ первостепенное значение. Каков бы ни был уровень культивации, если ученик не ушёл в глубокую медитацию в закрытой пещере, он обязан каждый день отдавать тренировке хотя бы один час.

Глава секты отправился странствовать, старейшины были по уши заняты собственными делами, и бразды надзора за младшими естественным образом оказались в руках Бай Цинюня — старшего ученика.

Цинюнь опустил взгляд и без труда отыскал в правом нижнем углу усердно упражнявшегося юношу. Е Цинхэ занимался с редким рвением.

Что и говорить: хоть в будущем его сила и вырастет до небес благодаря явным авторским читам, преуменьшать собственные старания главного героя тоже не стоило.

Однообразные, изнурительные упражнения изо дня в день ничуть не помогали продвижению в культивации. Большинству сокурсников эта рутина давно обрыдла: они откровенно халтурили, косились на солнце и лениво махали мечами. Даже младшая сестра Линьсюань занималась исключительно для галочки.

И лишь Е Цинхэ отрабатывал базовые элементы — прямой выпад, горизонтальный смет и рассекающий удар — с дотошной, безупречной точностью. Выполнив весь комплекс, юноша утёр со лба обильный пот и остановился, переводя дыхание.

Цинюнь, беззастенчиво разглядывавший его сверху, не успел вовремя отвести взгляд — Е Цинхэ внезапно вскинул голову. Цинюнь поспешно отвернулся, сделав вид, что изучает проплывающие облака.

«Показалось», — подумал Е Цинхэ и опустил глаза.

Внутри у него почему-то кольнуло непонятной досадой. Помотав головой, чтобы прогнать странное чувство, он вновь погрузился в тренировку.

Его тело ещё не вполне исцелилось, и по правилам он мог пропустить утреннее занятие. Но, помня недавние странности в поведении Бай Цинюня, Е Цинхэ всё же пришёл.

Причина была проста: общий сбор на рассвете оставался их единственной возможностью

видеться каждый день. Судя по прежнему опыту, Цзинмин-цзюню требовалось от силы три дня, чтобы подойти к нему и преподать «урок», после которого Е Цинхэ возвращался в свою каморку весь в синяках и ссадинах.

Однако на этот раз ничего подобного не произошло. Е Цинхэ ждал полмесяца, а гордый Повелитель Ясного Света так и оставался недосыгаемой тенью на вершине Башни Высшего Неба. Сколько юноша ни вглядывался ввысь, он видел лишь белоснежный край его полы, трепетавший на ветру, — безупречно чистый и недостижимый.

Е Цинхэ сжал губы, чувствуя, как в груди закипает глухое раздражение.

Утреннее правило подошло к концу, а Бай Цинюнь так больше и не осмелился взглянуть вниз, панически боясь снова встречаться с юношей взглядом. И его опасения были небезосновательны: в последние дни Е Цинхэ во время занятий постоянно бросал на него тайные взоры.

Зачем парню украдкой разглядывать другого мужчину? К тому же такого сурового и неприступного, каким Бай Цинюнь старался казаться? Цинюнь ломал над этим голову не один час, но так ничего и не понял, а потому решил просто держаться от греха подальше.

«Неужто он заподозрил неладное? Решил, что я тогда слишком фальшивил?» — размышлял Цинюнь на досуге. Чем больше он вспоминал ту сцену, тем сильнее убеждался, что перегнул палку. Слово и дело требовали тонкости, нужно было действовать исподволь, шаг за шагом пробивая брешь в чужом сердце.

Но что поделать? В конце концов, это его первый опыт в подобном деле.

Дождавшись, пока площадка перед башней окончательно опустеет, Бай Цинюнь спрыгнул с самой верхушки. Он помассировал затекшие икры, посмотрел на ясное весеннее небо и, широким взмахом рукава оправив одежды, направился к дальним склонам за главным пиком.

Не будучи настоящим бессмертным, он физически не мог сутками сидеть в лотосе, погружаясь в медитацию. К счастью, недавно он присмотрел на задней горе глухой, безлюдный уголок — идеальное место, чтобы подремать в тишине... ну и попутно потренироваться в актёрском мастерстве.

Нельзя не признать: секта Тяньи по праву считалась первой среди бессмертных обитателей. Неизвестно, какой великий мастер прошлого проектировал эти владения, но каждое дерево, каждый камень здесь были расставлены в строгом соответствии с законами Пяти Элементов и Восьми Триграмм. В сочетании с пролежавшей в глубинах гор духовной жилой это место даровало невероятный прирост сил при культивации, а обычным людям сулило долголетие и избавление от всех болезней.

Вот, к примеру, Сад Сотни Камней: на первый взгляд — обычные искусно выточенные

изваяния, а присмотришься — и увидишь самый сложный массив Пяти Элементов. Продумать всё до таких мелочей — поистине грандиозное мастерство.

— Паршивый ублюдок!

Яростный выкрик, донесшийся из глубины сада, бесцеремонно выдернул Бай Цинюня из размышлений.

Сад Сотни Камней прилегал к заброшенным склонам, и народ здесь обычно не ходил. Кого это сюда занесло? Охваченный любопытством, Цинюнь бесшумно двинулся на звук.

— И ты ещё смеешь рассчитывать на место ученика Главы?! Да кто ты вообще такой?!

Неподалёку, брызжа слюной, орал на своего оппонента мужчина с крысиной мордой, облачённый в слишком пышные и вычурные одежды. На нём был даосский балахон, но весь он обвешался золотом и серебром, а на поясе болталась нефритовая подвеска размером чуть ли не с два кулака, отчего подпоясывавший его кушак заметно провисал под тяжестью.

Выражение его лица трудно было разглядеть за сумерками деревьев, но по вздувшимся на шее багровым венам Бай Цинюнь понял, насколько тот взбешён.

За спиной крикуна стояло несколько человек в одеяниях внешних учеников. Вторили они своему вожаку с превеликим азартом, поддакивая и вопя во все горло:

— Ничтожество!

— Да он даже с марионеткой с мечевым талисманом не сладит!

— Безродный дворняга!

— Пошёл вон с горы!

«Это что, Ян Хуай?» — нахмурился Цинюнь.

Пока маска не была сброшена, Бай Цинюнь обязан был поддерживать безупречный образ старшего брата секты. Какую бы ненависть он ни питал к Е Цинхэ, мारать руки лично ему не полагалось — статус не позволял. Посему все мелкие пакости и грязные поручения он перекладывал на плечи Ян Хуая.

Ян Хуай, к слову, происходил из вполне почтенного и древнего рода культиваторов. Увы, талантом небеса его обделили, а к усердному труду он питал глубокое отвращение. В секту

Тяньи родня пропихнула его за немалые деньги и связи.

С чего-то этот тип возомнил, будто Глава секты непременно возьмёт его в личные ученики. Каково же было его разочарование, когда в день посвящения Глава привёл откуда-то безродного мальчишку и сделал своим преемником, а самого Ян Хуая спихнули какому-то неприметному старейшине.

Неудивительно, что обида жгла его изнутри.

Бывший Бай Цинюнь прекрасно знал о его заветной боли и парой тонких намёков превратил Ян Хуая в верного пса, готового по первому знаку отравлять жизнь главному герою.

Очевидно, прямо сейчас разворачивалась одна из тех классических сцен, коими изобиловала начальная часть романа, — каноничный эпизод, где очередное мелкое хулиганье нарывается на жестокий отпор со стороны главного героя. Но как они оказались в этой глуши?

Пока Бай Цинюнь размышлял, перепалка на поляне продолжалась.

Выслушав брань Ян Хуая, Е Цинхэ остался совершенно спокоен. На его бледном, как свежий снег, лице не отразилось ни тени гнева.

— Моя культивация ничтожна, а духовные задатки посредственны, — ровным, прохладным тоном произнёс юноша. — Я и сам знаю, что недостоин быть учеником Учителя.

Ян Хуай презрительно фыркнул. Он уж было решил, что Е Цинхэ трусил, и вознамерился победоносно задрать нос, но юноша продолжал:

— Вот только если уж Старший брат Ян не может одолеть даже меня... с чего ты взял, будто Учитель согласится принять тебя?

Свежие ссадины на лице Ян Хуая отозвались резкой болью. Вспомнив своё позорное поражение, он вспыхнул до корней волос и яростно закричал:

— Я просто оступился! Кто же знал, что ты, подлая тварь, во время фехтования внезапно подсецёшь мне ноги?! Честный мечник так не поступает!

— Это третий элемент базового фехтования нашей секты — «Танец Журавля и Рёв Дракона», — Е Цинхэ спокойным движением вытер лезвие деревянного меча. — Мы отрабатываем его на каждом утреннем занятии.

С этими словами он поднял глаза на Ян Хуая. Лицо юноши оставалось бесстрастным, но взгляд копьём вонзился в обидчика. Под этим прямым и чистым взором Ян Хуай покраснел ещё

сильнее.

— Да кому сдалась эта ваша утренняя скука?! — пробормотал он и, смутившись, шикнул на стоящих за спиной прислужников: — Это что, правда элемент из утреннего правила?! А?!

Шобла за его спиной состояла из таких же отпетых бездельников. Они прикладывали все усилия, чтобы сачковать тренировки, и понятия не имели, что там отрабатывают. Прислужники переглянулись, но ответить никто не смог.

Поняв, что помощи ждать негде, Ян Хуай судорожно попытался вернуть себе инициативу:

— Подумаешь, утренние занятия! Для настоящего культиватора главное — уровень силы!

— Утренние занятия — это основа, — Е Цинхэ слегка нахмурился. — Лишь на крепком фундаменте можно выстроить успешный путь к бессмертию.

Эти слова, сказанные со всей искренностью, полоснули по самолюбию Ян Хуая больно, словно кнут. Он скрежетал зубами от ненависти к дерзкому младшему, посмевавшему читать ему нотации.

А ведь Е Цинхэ лишь констатировал факт. Для него, привыкшего отдавать тренировкам все силы, эти вещи были естественнее дыхания. Какая там тысяча взмахов мечом? Е Цинхэ каждый день совершал не меньше десяти тысяч!

— Ну всё, хватит! — рявкнул Ян Хуай, окончательно потеряв лицо. — Мне плевать на твои фундаменты и основы! Я знаю одно: я — старший брат, а ты — младший! И учить тебя уму-разуму — моё законное право!

Он взмахнул рукой, и прислужники мигом взяли Е Цинхэ в кольцо, извлекая заготовленные артефакты и магическое оружие. Всё было спланировано заранее.

Бай Цинюнь из своего укрытия только рот разинул. Впервые он видел толпу, навалившуюся на одного с такой откровенной, бесстыдной ухмылкой.

Е Цинхэ едва встал с постели, его раны ещё не затянулись. Пусть эти олухи и не блещут культивацией, но числом берут уверенно. Цинюнь перевёл взгляд с прекрасного лица юноши на наглые рожи Ян Хуая и его своры.

«Нет, так дело не пойдёт!»

— Назад!

Из-за густых ветвей бамбуковой рощи неторопливо вышел бессмертный муж. Белоснежные одежды облегли его статную фигуру, а сам он казался сошедшим с древнего свитка небожителем, которого не смеет коснуться мирская грязь.

В следующее мгновение с неба плавно посыпались мелкие, невесомые снежинки.

Стоял цветущий третий месяц весны — откуда бы взяться снегопаду? Ян Хуай обомлел, но, когда первая снежинка коснулась его кожи, он с изумлением почувствовал ласковое тепло.

Это же знаменитая техника с Пика Услышанного Снега — «Белый Пейзаж Теплого Снега»! Излюбленное заклятие старшего ученика!

Завидев приближающегося Повелителя Ясного Света, заносчивые шестёрки мгновенно растеряли всю свою спесь. Присмирив, они согнулись в глубоком поклоне:

— Старший брат!

Никто бы и не подумал, что ещё секунду назад эти люди скалились, точно дикие гиены.

— Старший брат! — Ян Хуай, всегда считавший себя особо приближённым к Бай Цинюню, тут же расплылся в слащавой улыбке. — Вы как раз вовремя! Этот Е Цинхэ совсем от рук отбился, дерзит и не соблюдает субординацию! Мы с братьями как раз собирались преподать ему урок почтения.

С этими словами он с готовностью извлёк из-за пазухи и протянул Бай Цинюню плетё. Железное оружие дышало ледяным холодом, а по всей его длине топорщились острые шипы. От одного взгляда на эту штуку мурашки бежали по коже — нетрудно представить, во что превратится тело того, кто получит хотя бы один удар.

Бай Цинюнь перевёл взгляд с Е Цинхэ на плетё в руках Ян Хуая и, не колеблясь, протянул руку.

В глазах Е Цинхэ мелькнула холодная, горькая насмешка. Но он остался стоять на месте, расправив плечи и выпрямив спину, точно молодой бамбук.

Ян Хуай угодливо заискивал:

— Прошу вас, Старший брат! Проучите его первым!

Бай Цинюнь про себя вздохнул. Взглянув на пышущие надеждой лица учеников, он лишь нахмурился.

В ту же секунду по металлической плети вихрем взвилось глубокое, густо-синее духовное пламя. В мгновение ока железные звенья с шипами истлели, превратившись в горстку серого пепла. Ветер подхватил прах, развеяв его в воздухе. Ян Хуай застыл с разинутым ртом, переводя дикий взгляд со своих пустых пальцев на ледяное лицо старшего брата.

— С каких это пор у нас учеников Главы секты учат уму-разуму всякие пройдохи? — отчеканил Бай Цинюнь, и голос его звучал суше опавшей листвы. — Имя Учителя вам уже не указ? Или завтра вы и меня проучить решите, если я вам на глаза попадусь?

Снегопад усилился. Тёплые хлопья падали на плечи, но не могли разогнать внезапный, сковывающий внутренности ледяной ужас.

Старший брат в гневе!

Ян Хуай покрылся холодным потом и забормотал:

— С-старший брат... я... я не смел даже помыслить о таком!

Лицо его сделалось бледнее савана. Встретившись с ледяным, убийственным взглядом Бай Цинюня, Ян Хуай почувствовал, как подгибаются колени, и с глухим стуком бухнулся на землю. Стоявшие за его спиной прислужники, не теряя ни секунды, дружно ухнулись вслед за ним. На белоснежном покрове образовалась ровная шеренга дрожащих тел.

Лишь двое продолжали стоять посреди этого безмолвия — бессмертный в белом и юный мечник.

Е Цинхэ не отрывал взгляда от Бай Цинюня. Повелитель Ясного Света казался настолько чистым и недосягаемым, что среди кружащегося снега выглядел единым целым с этим зимним маревом.

На миг их взгляды встретились, но уже в следующее мгновение Цинюнь равнодушно отвёл взор.

Глядя на сжавшихся от страха учеников, Бай Цинюнь медленно поднял три пальца:

— Я не хочу сегодня грешить гневом. Я досчитаю до трёх. Если вы всё ещё будете мозолить мне глаза — не обессудьте.

— Три...

Он не успел даже согнуть первый палец, как вся шобла подхватилась и бросилась наутёк, словно напуганные птицы.

Глядя им вослед, Бай Цинюнь с лёгким сожалением повёл бровью.

А жаль. Вчера он как раз вычитал в древнем фолианте интересное молниеносное заклятие и так надеялся опробовать его в деле...

<http://bllate.org/book/20397/2106239>